

АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НЕБА КАК СИМВОЛА ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ БУРЯТСКОГО ПОЭТА Н. НИМБУЕВА

Дондокова М.Ю.

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», Улан-Удэ, Россия (670033, Улан-Удэ, ул. Жердева, 140 - 91), sara746@yandex.ru

В статье проведен анализ образа неба в его трансформации как традиционного символа вечного времени в авторские варианты, представленные в лирике Н. Нимбуева. Сравнение, исследование традиционного образа неба и авторской трансформации в его образ моря, дополненный образом музыки, показало, что традиционное понимание и функциональность вечного времени в национальной картине мира молодого поэта остаются неизменными и основополагающими, несмотря на смещенность некоторых функций образа неба. Подобное явление объясняется научными открытиями, начиная с 1960-х гг., что подтверждается в стихах «12 апреля 1961 года», «Ношусь в пустотах космических». В результате установлено, что традиционный образ неба как символ божественного времени, столь значимый в восточной культуре, не меняет своего основного содержания, а дополняется авторским образом моря. Таким образом, при анализе трансформации традиционного образа неба выявлены возможности восточных национальных поэтов в освоении социально-исторического времени.

Ключевые слова: лирика Н. Нимбуева, трансформация, образ неба и моря, традиционные и авторские символы.

TRANSFORMATION OF SKY IMAGE INTO TIME SYMBOL IN N. NIMBUEV'S, BURYAT POET'S, LYRIC

Dondokova M. Y.

Federal State Budgetary Education Establishment of Higher Professional Education "Buryat State University", Ulan-Ude, Russia (670033, Ulan-Ude, street Zherdeva 140-91), sara746@yandex.ru

The paper depicts analysis of the way sky image is transformed in N. Nimbuev's lyrics into a traditional symbol of eternal time. A comparative study of the traditional way of sky image and its author's transformation to the image of sea, supplemented by a music image has shown that the young poet has a traditional understanding of eternal time and its functionality, even though some features of the image were transferred to sky image. Such phenomenon is conditioned by active scientific discoveries that have occurred since the 1960s, and confirmed in verses «12 April 1961», «Flying in the voids of space». The study shows that the author's sky image, so significant in an Oriental culture, remains traditional as a symbol of divine time. It also shows that the traditional sky image transformation is done by the oriental national poet N. Nimbuev via a creative approach towards socio-historical conditions' view.

Keyword: N. Nimbuev's lyric, transformation, sky and sea image, traditional image, author's image.

Процесс новаторских исканий, смены традиций, обусловленный интеллектуализацией общества, развитием культуры и литературы, в частности поэзии, является тем звеном, при изучении которого можно выявить специфические черты, характеризующие своеобразие национальной литературы. При этом проблемы традиций рассматриваются сквозь призму освоения традиционной и авторской символики в лирике яркого представителя национальной литературы – бурятского поэта Намжила Нимбуева.

Руководствуясь тем, что проблему трансформации традиций необходимо расшифровать на более распространенном и общепонятном образе, стабильном, близком человеку и узнаваемом им, который окружал его в прошлом и настоящем, все это обусловило выбор образа неба для исследования. Цель исследования – выявить особенности создания

авторских символов времени и их функций в образе неба. Методами исследования стали принципы историко-литературного, герменевтического и структурно-семантического анализа.

Космогонический образ Неба – один из стабильных образов культуры, возведенный в ранг культа неба в бурятской культуре, непременно присутствующий в картине мира и литературе. Этот космогонический символ времени широко представлен в творчестве бурятского поэта Н. Нимбуева. Кроме того, поэт активно трансформирует его в другие образы, близкие современной картине мира. Материалы исследования составили лирические произведения Н. Нимбуева, опубликованные в сборнике «Стреленные молнии», (2003), стихотворения автора, критические статьи, опубликованные в периодической печати.

Будучи поэтом XX века, Н. Нимбуев в своем творчестве помимо традиционного подхода и современных знаний пытается придать смысл и содержание некоторым мифологическим образам. В произведении «12 апреля 1961 года» автор раскрывает историю покорения неба с древнейших времен, средневековья и до XX века. Цитата «Поехали-и!» трансформируется в современные воззрения, однако сравнение рассветного тумана с «навернувшимися на очи Земли слезами» оставляет мифическое содержание значения неба и земли даже в век высоких технологий. Современное понимание образа неба и космического пространства представлено и в произведениях «Ношусь в пустотах космических», «Мне этой ночью снова не спалось», где автор не без гордости описывает технические разработки XX в. и в этом плане смело смотрит в будущее: «Так до утра я мудро морщил лоб. / Хасегой ночь бежала от Сиама. / Смотрел меня, земного, в телескоп / мой завтрашний знакомый – марсианин».

В связи с научно-техническим прогрессом небо сегодня стало «ближе», чем его представляли в начале XX века, в нем усилилось предметное назначение как космоса («Ношусь в пустотах космических»), оно стало терять свою всеобъемлющую силу, устрашающую мощь, неприкасаемость, которые теперь переносятся поэтом на образ моря. Поясняя проведенную параллель между образами неба и моря и их трансформацию из одного в другое, мы можем привести выделенные автором описания: величественно, всеильно, могуче, оно суровое, мудрое, милостивое и по-отцовски ласковое – «Ласково тугое небо» («Возражение незнакомцу» Н. Нимбуев). Образы неба и моря в творчестве бурятского поэта объединяются также для определения масштаба, изображения в произведении «Черноглазая». Н. Нимбуев историю любви сравнивает «с поэмой, огромной», как «прояснившееся небо»; в стихотворении «Раковина», упоминая «шум огромного моря», автор наделяет здесь одинаковыми эпитетами образы неба и моря, поскольку начинается процесс их сближения. Очевидно, что «небо», отдаляясь от своего предметного содержания,

приобретает одновременно более абстрактное значение в отличие от «моря», которое перенимает его сакральность. Море как источник жизни на Земле в произведении «Как долго мы с тобою спали» соотносит смысл божественного времени с морем («Дельфинами в море поплавав»), а время профанное – с жизнью на земле («и сном безмятежным уснули/ на дюнах пустынных и знойных...»), при этом подчеркивается мимолетность последнего («как время летит незаметно,/ как долго с тобою мы спали!») и всеобъятность и бесконечность первого, т.к. включает время до и после «сна»: «с тобой мы на берег песчаный/ юнцами влюбленными вышли/... /Проснувшись, увидел я рядом/ седую почтенную даму...».

Восприятие Н. Нимбуевым времени как широкого, соотносимого со временем вне времени, т.е. без ощущения настоящего, выражается введенным образом моря. В связи с этим интересно сравнение в произведении «Город спит», где автор ассоциирует спящий город с морскими глубинами, чтобы выразить это течение времени, время вне времени и придать ему особый смысл – город спит, город в покое, что усиливает глубину мысли: «Темнота, немота, глухота». Примечательно, что в данном стихотворении соотношение спящего города с образом моря создает особый образ времени – медленный, размеренный, степенный, а в произведении «Как долго мы спали» – наоборот, жизнь на земле словно сон, реальным показано время вне сна. Скоротечность времени – это контрастная разница в восприятии реального и ирреального времени, например, в стихотворении «Как долго мы с тобою спали»: «...юнцами влюбленными вышли/ и сном безмятежным уснули/.../ Проснувшись, увидел я рядом/ седую почтенную даму». В стихотворении «Город спит» Н. Нимбуев описывает город через образ моря, хотя ни разу не упоминает само слово, а использует дополнительные элементы этого образа, что позволяет поэту придать образу «моря» авторское видение, подчеркнув его степенность, мистичность: «Проплывают дома, как глубинные сонные рыбы./ ...течет тишина/ ... на гребне безмолвной волны/ тополиной чешуйки».

Тема мистики и таинственности, дополняя значение божественного начала, продолжает реализовываться в образе моря в другом произведении бурятского поэта «Женщина играет на рояле». Стихотворение пропитано духом ирреальности, описывая время вне времени. Первая строка лишь дает намек на мистическое начало: «В домике заброшенном / у моря / женщина играет на рояле». Автор повторяет трижды основные строки, указывая на монотонность ритма, раскрывая непрерывность хода времени. Образ моря наполнен глубиной тайн, непознанности жизни, что дополняется новыми элементами – «женщина играет на рояле». Л.С. Дампилова в статье ««Вечная завязь добра и света...» Н. Нимбуева» пишет: «Музыка во времени бесконечна, бег времени для нее не имеет значения. Если в реальной жизни судьба и время тесно взаимосвязаны, то в жизни искусства время

теряет свою ежеминутную суетную силу и превращается в вечное. Вечность времени обусловлена именно круговоротом времени без изменения – та же музыка, тот же шум моря. Музыка – бестелесное царство звуков. Женщина играет у моря, звуковое море – прибой, отлив, буря, повторяя звуки рояля, продолжает жизнь музыки. Потусторонние звуки музыки живут вне Времени и Истории. В этой философской сцене главную роль играет Время и Забвения, где нет и не предполагаются ни определенное пространство, ни эпоха. Также четко не выражена ментальная особенность, но явно чувствуется западный, а не восточный мир» [Дампилова]. Музыка дополняет авторский образ моря своим таинственным и всеобъемлющим смыслом, значением вечности. Образ музыки и звуки рояля вводят образ моря в вертикальную картину мира, где море представлено нижней сферой, а музыка, стремящаяся ввысь, – верхней.

Таким образом, бурятский поэт Н. Нимбуев, заимствуя из традиционной культуры образ неба и некоторые его функции, переносит их на образ моря, потому что небо в понимании современного человека в силу стремительного научно-технического прогресса расширяет горизонты, становится доступнее, реальнее, представляется как «пустоты космические». Мистическое значение образа неба в определенной степени переносится на образ моря, при этом наблюдается естественный процесс притяжения и отталкивания от его предметного значения. В традиционном понимании Небо являлось высшей силой, влияющей на судьбу человека. В поэзии Н. Нимбуева человек обращается к морю с просьбами, образ моря становится ближе, но остается символом вечности, дополняя образ «Вечного синего Неба», что, несомненно, можно считать авторским приемом. Подчеркивая в образе моря значение всеобъемлющего времени, поэт противопоставляет ему значение земного времени, к которому можно подойти, извлекая вечные звуки музыки на рояле как звуки жизни на земле, понимание чего для поэта важнее, с чем он может вступать во взаимоотношения в любом времени и любом пространстве.

Так, многие функции и характеристики традиционного архетипа «небо» благодаря изначальному сходству как глубокого, синего, безграничного, непредсказуемого, сильного соотносятся и переносятся на образ моря, создаваемый в творчестве этого поэта. В стихотворении «Человек и море» Н. Нимбуев описывает новые представления о взаимоотношении человека с морем. При этом божественное, всемогущее начало в представлениях лирического героя связано с образом моря: в произведении Н. Нимбуева «Человек и море» слов, относящихся к описанию самого моря, немного, однако построение стиха дает такое ощущение силы, власти, мощи, что сравнимо с небом – «*сердито молчало*», подчеркивает этот смысл. В кульминации повтор слова «*море*» в третьей строке стихотворения, состоящего из шести строк, придает еще большую величественность морю, а

человек же столь мал и незначителен, что в самом произведении даже не упоминается, тем самым вызывая жалость и сострадание – «поплакаться в жилетку». И это обращение лирического героя к морю позволяет нам обозначить параллель, при которой современный автору лирический герой может обратиться не только к небу, но и к морю как божественному началу, хотя, как известно, восточный человек традиционно обращается с мольбами, просьбами к небу. При этом главное действующее лицо – человек, и море необходимо ему как небо, как «высшая сила помощи, к которой и взывает человек, что являет, по сути, правосудные функции Неба» [Банзаров, с. 54-59, цит. по Ангархаеву, с. 96].

Являлся на берег

поплакаться морю в жилетку.

Но море сердито молчало,

и ветер высушивал слезы.

...Домой возвращался стыдливо,

мурлыкая что-то под нос.

(Н. Нимбуев «Являлся на берег»)

Подобная ситуация взаимоотношения человека с морем позволяет увидеть новые предпосылки трансформации определенных божественных свойств, присущих небу, в образ моря. Это позволяет сохранить их исконное содержание, но обогащенное и дополненное их взаимоотношениями, и их воздействие на человека – человек становится сильнее, что показано в приведенных ранее стихах бурятского автора. Это связано с потребностью человека в моральных рамках, в сдерживающей и стимулирующей духовной силе, таковой в национальной культуре является «небо». Освоение неба, теперь уже как космоса, как сознания, усиливает его предметное значение, но поэт понимает, что невозможно лишить образ неба его мистических начал, оно, по словам автора, безгранично, «при мысли о ее предельности/ мой разум мутнеет» («Ношусь в пустотах космических»).

Выстроенная нами образная система показывает, что, трансформируя традиционные образы неба и земли, бурятский поэт не отходит от их основного содержания, оставляя мифологическое значение неба как символа времени вечного, всеобъемлющего, состоящего из циклов, но дополняет их современными представлениями. Небо, таким образом, в силу технического и научного прогресса расширяет горизонты, становится доступнее, реальнее. При этом мистическое значение образа неба в определенной степени переносится на образ моря, автор дополняет его образом музыки, что усиливает его величественность и силу, укрепляет идею вечного времени.

Результаты анализа и полученные в ходе исследования выводы позволяют ярче увидеть процесс интеграции традиций на примере образа неба в национальных литературах в

контексте общелитературного процесса. Трансформация образа неба как символа вечного, недостижимого времени в авторский образ моря, дополненный образом музыки («Женщина играет на рояле»), обогащает изначальный образ неба.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энцикл., 1971. – Т.6. – С. 826-831.
2. Ангархаев А. Л. Число // Вершины. – 2005. – № 1,2. – С. 96-114.
3. Дампилова Л. С. Вечная связь добра и света...[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nimbuev.buryatia.org/namzhil/article.php?view=3> (дата обращения: 28.05.2012).
4. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. – М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. – 306 с.
5. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы: в 2 т. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – 448 с.

Рецензенты:

Гармаева С.И., д.фил.н., профессор кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Дашинимаева П.Б., д.фил.н., доцент, директор Института филологии и межкультурных коммуникаций, г. Улан-Удэ.